

Раемский Ю. А.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОГО ИСТОРИОГРАФА НИКОЛАЯ П Д.Н. ДУБЕНСКОГО И ГОСУДАРЕВОЙ СВИТЫ В ОТРЕЧЕНИИ ИМПЕРАТОРА

В статье автор анализирует события, происходившие в императорских литерных поездах в пути между станциями Лихославль и Псков с 28 февраля по 1 марта 1917 г. Детальное изучение мемуаров генерала Д.Н. Дубенского, его показаний на допросе, содержащих также цитаты из дневников, позволяет сделать вывод, что очерк «Как произошел переворот в России» содержит умышленно искаженную хронологию событий. Также автор анонсирует выход новой статьи о событиях на железнодорожной станции Малая Вишера ночью 1 марта 1917 г.

Ключевые слова: Февральская революция, император Николай II, генерал Д.Н. Дубенский, свита, очерк, литерный поезд, железнодорожная станция, отречение.

Более 100 лет отделяют нас не только от событий Февральской революции, но и от первых попыток ее исторического описания. События, произошедшие с 28 февраля по 2 марта 1917 г. в литерных поездах А и Б на пути из Могилева в Царское Село, стали определяющими для всего Российского государства. Одной из первых попыток представить хронологию этих дней является очерк генерала Д.Н. Дубенского «Как произошел переворот в России», изданный в 1922 г. в Париже в третьем томе «Русской летописи». Генерал Дубенский являлся издателем-редактором иллюстрированных журналов: «Летопись войны с Японией» и «Летопись войны 1914–1917 гг.». В годы

Первой мировой войны он состоял в свите Николая II в качестве официального историографа и сопровождал его во всех поездках в действующую армию. Под его редакцией было подготовлено 4 номера иллюстрированного журнала «Его Императорское Величество Государь император Николай Александрович в действующей армии» за 1914 – февраль 1916 г. Пятый номер был подготовлен в печать, однако его выходу помешала революция¹.

И все же апогеем журналистской карьеры Дубенского является очерк «Как произошел переворот в России», в котором генерал, путешествовавший в так называемом «свитском» поезде, официально именовавшемся поезд Литера Б, излагает события, произошедшие с 22 февраля по 8 марта 1917 года. Важной частью повествования является относительно подробное описание событий во время движения литерных поездов по маршруту Могилев–Малая Вишера–Псков. Несмотря на многочисленные неточности, он до сих пор считается довольно авторитетным первоисточником, на который часто ссылаются историки. Однако данная статья будет посвящена не детальному разбору очерка, а раскрытию истинной роли генерала Дубенского в событиях Февральской революции, анализу его позиции в отношении монарха. Она является продолжением и развитием другой нашей статьи, посвященной бывшему придворному историографу².

Почти на протяжении всех своих воспоминаний генерал Дубенский неоднократно повторяет мысль, что Николай II еще находясь в Могилеве, пошел на уступки и согласился с настойчивыми попытками председателя Госдумы Родзянко добиться от него ответственного министерства. Первые сведения, которым Дубенский пытался придать форму разговоров, ходивших среди свиты, он относит к вечеру 27 февраля 1917 года. Говоря о телеграмме председателя Госдумы Родзянко, в которой тот просил даровать России ответственное министерство,

¹ Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России // Русская летопись. Париж, 1921-1925. Кн. 3. С. 12.

² Раемский Ю. А. К вопросу об атрибуции очерка «Ставка Верховного главнокомандующего. Два приказа» // Веснік Магіл'ёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. 2023. № 2 (62). Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). С. 39-43.

Дубенский пишет: «На эту телеграмму **будто бы** (здесь и далее выделено нами – Ю.Р.) послан ответ через генерал-адъютанта Алексеева по прямому проводу в Петроград... Ответ выражал согласие Государя на образование ответственного министерства, при чем Его Величество, оставляя в своем непосредственном распоряжении министерства военное, морское, иностранных дел и Императорского Двора, поручал формирование кабинета князю Львову»³. Очень важны слова из воспоминаний Дубенского, характеризующие эмоции окружения императора в отношении якобы выраженного в телеграмме согласия Николая II на уступки: «Безусловно все, и **свита** и чины штаба, **выражали радость по поводу ответа** и надеялись, что это согласие Царя на образование ответственного министерства внесет успокоение. Однако все эти сведения появлялись отрывочно и никто не знал насколько были верны эти слухи»⁴.

Более определенно в своем очерке царский историограф пишет о событиях, произошедших накануне отъезда из Ставки. После обеда в доме губернатора, Дубенский общался с генералом Ивановым. Передавая читателям суть своего разговора с вновь назначенным командующим Петроградским военным округом, Дубенский утверждает, что Иванов дарование ответственного министерства комментировал как прямую речь императора: «Ведь Вы уезжаете сегодня ночью в Царское, где будете 1-го марта», говорил мне Государь. **Дается ответственное министерство, послана об этом телеграмма в Петроград**»⁵. Около 11 часов вечера, по словам Дубенского, церемониймейстер императорского Двора барон Штакельберг якобы подтверждал этот факт: «Происходят такие события, что нельзя сказать чем все это кончится. Правда, **ответственное министерство, на которое согласился Его Величество**, может поправить дело»⁶.

Уже находясь в поезде Литера Б, который на утро должен был отправиться в Царское Село, Дубенский сообщил важные подробности о поведении свиты: «Весь этот вечер и **почти всю ночь мы все не расходились и беседовали** о нашем срочном

³ Дубенский Д. Н. Указ. соч. С 35.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 38.

отъезде и хотя выражали надежду, что предуказанный парламентский строй внесет успокоение в общество но отошли мы из Могилева, после 2 часов ночи 28 февраля, с большой тревогой»⁷.

Даже редакторы издания «Русская летопись», в котором в 1922 году был опубликован очерк Дубенского, снабдили сведения об ответственном министерстве следующим комментарием: «Автор воспоминаний впадает в этом случае, как и в последующем изложении, в ошибку. Окружающие Государя, действительно, настаивали на немедленном образовании ответственного перед палатами Министерства, полагая, что эта мера может внести успокоение, и мнение это являлось общепризнанным в Ставке. Однако телеграмма, посланная Его Величеством кн. Голицыну свидетельствует, что Государь стоял в этом деле на правильном пути, сознавал, что обстоятельства требовали не уступок мятежу, а твердого образа действий»⁸

Действительно, 27 февраля в 23 ч. 25 м., за пять с половиной часов до своего отъезда из Ставки, Николай II послал председателю Совета Министров князю Голицыну телеграмму, отражающую его позицию: «Относительно перемен в личном составе (правительства – прим. Ю.Р.) при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. Николай»⁹.

Примерно за час до передачи телеграммы премьеру, генерал Алексеев доложил царю содержание телеграфного разговора по прямому проводу, состоявшегося около 22.30 27 февраля 1917 г. между ним и великим князем Михаилом Александровичем. На совет брата о необходимости увольнения всего состава Совета Министров и назначения на пост председателя лица, облеченного «доверием вашего императорского величества и пользующегося уважением в широких слоях», Николай II повелел генералу Алексееву передать Михаилу ответ следующего содержания: «Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, его

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Дубенский Д. Н. Указ. соч. С. 35-36.

⁹ Февральская революция 1917 года. (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта.) // Красный Архив. 1927. № 2 (21). С. 13.

императорское величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село»¹⁰.

Таким образом, находясь в Могилеве, государь отказался идти на поводу у бунтовщиков и не согласился на ответственное министерство, несмотря на уговоры и советы, поступающие ему со всех сторон. Именно нежелание Николая II вводить парламентский строй в России, и было, по нашему глубокому убеждению, причиной этих ночных совещаний свиты в поезде Литера Б. Они были прекрасно осведомлены, что все усилия Родзянко и генерала Алексеева не увенчались успехом. Таким образом, согласие императора на ответственное министерство, якобы данное им еще в Могилеве – намеренное искажение воспоминаний генерала Дубенского. Более того, именно убеждение свиты в том, что «парламентский строй внесет успокоение в общество», вылилось в пути в истории о невозможности проехать в Царское Село ни через Тосно, ни через Дно, ни даже через Псков–Лугу–Гатчину. Данный вывод, сделанный нами на основе ознакомления с мемуарами всех очевидцев и архивными документами, будет обоснован в наших следующих публикациях. В данной же статье подробно разбирать события в пути до Малой Вишеры, где поезд развернули обратно, мы не будем. Вместо этого процитируем фрагменты показаний генерала Дубенского на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии 9 августа 1917 г., в ходе которого председатель комиссии Н.К. Муравьев зачитывал также фрагменты дневников генерала, изъятых у него.

С момента получения на станции Лихославль телеграммы инженера Бубликова и председателя Госдумы Родзянко¹¹, содержащей сведения о низложении предыдущего состава правительства и о намерении Думы встать во главе формирования новой власти, в поезде Литера Б было принято решение не допустить императора в Царское Село до момента его согласия на уступки. Именно такой путь выхода из

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкой и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам, в коих произошло отречение от престола Государя Императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. Париж, 1921-1925. Кн. 3. С. 119.

сложившегося положения, то есть создание ответственного министерства, подотчетного Государственной Думе, находил сочувствие среди лиц свиты, в том числе у самого Дубенского.

В качестве первого, но довольно весомого аргумента в пользу этой версии служит дневниковая запись генерала, сделанная 24 февраля 1917 года в Могилеве, на следующий день после прибытия в Ставку из Царского Села: «Тихая бесталанная жизнь, все будет по-старому. **От «Него» ничего не будет**, могут быть только случайные внешние причины, кои заставят что-либо изменить»¹². Запись была процитирована председателем Чрезвычайной следственной комиссии в ходе допроса Дубенского. Заметим, что это даже не стенограмма прямой речи на допросе, в ходе которого бывший генерал, стремясь выгородить себя, оговаривал бы свергнутый режим. Эта запись отражала его настроения в конце февраля.

Непосредственно на допросе Дубенский сообщил председателю довольно важные детали о настроениях свиты перед самой революцией: «Если бы государь обладал большими силами, если бы он проявил известный характер, стремление вести все по своему личному самодержавному указу, к этому многие отнеслись бы сочувственно; но когда мы увидели, что это безнадежно, что от него ничего нельзя ожидать, никаких даже указаний, **тогда нужно было идти на это**. Без этого мы ничего не могли сделать. Если бы у нас были Петры, если бы был Вильгельм, то я сам до сих пор думал, что лучше строя самодержавного трудно найти, потому что, когда во главе стоит гениальный человек, он может массу сделать»¹³. Трактовать слова «тогда нужно было идти на это» в контексте вышеприведенной цитаты считаем излишним. Приблизительно такие верные «монархисты» находились в свите Николая II. Это только один, но довольно яркий пример.

Далее события согласно дневнику генерала Дубенского (также выдержка из стенограммы допроса) развивались

¹² Допрос Д. Н. Дубенского. 9 августа 1917 года // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголева. Л., 1924-1927. Т. VI. С. 392.

¹³ Там же. С. 406.

следующим образом: «Ночью определилось из целого ряда сведений, что высочайший поезд Временное правительство направляет не в Царское Село, а в Петроград, где государю предложены будут условия о дальнейшем управлении. Я убеждал всех и написал даже письмо С.П. Федорову, доложить Воейкову и государю, что в виду создавшегося положения надо ехать в Псков, где штаб фронта. Это старый губернский город. Отсюда, взявши войска, надо идти на Петроград и восстановить спокойствие»¹⁴.

В распоряжении председателя ЧСК Временного правительства на допросе генерала Дубенского оказался не только его дневник, но и вышеуказанное письмо, которое было написано 28 февраля в 10 час. вечера: «Дальше Тосна поезда не пойдут. По моему глубокому убеждению, надо его величеству из Бологого повернуть на Псков (320 верст), и там, опираясь на фронт ген.-ад. Рузского, начать действовать против Петрограда. Там, в Пскове, скорей можно сделать распоряжение о составе отряда для отправки в Петроград. Псков – старый губернский город, население его не взволновано. Оттуда скорей и лучше можно помочь царской семье. – В Тосне его величество может подвергнуться опасности. Пишу считая невозможным скрыть; мне кажется, это мысль, которая в эту страшную минуту может помочь делу спасения государя и его семьи. Если мою мысль не одобрите – разорвите записку. Преданный Д. Дубенский»¹⁵. Отвечая на вопрос председателя о подлинности записки, Дубенский ответил утвердительно. Письмо, вероятно, было написано незадолго до прибытия поезда Литера Б в Бологое и было передано в императорский поезд через офицера железнодорожного полка¹⁶.

Никаких весомых аргументов о невозможности проезда через Тосно генерал в письме не представил. При этом и в воспоминаниях, и в письме Федорову Дубенский утверждает, что в штабе Северного фронта в Пскове можно было сделать распоряжение о направлении войск на Петроград. Генерал,

¹⁴ Допрос Д. Н. Дубенского. 9 августа 1917 года ... С. 403.

¹⁵ Там же. С. 408.

¹⁶ Дубенский Д. Н. Указ. соч. С. 41.

который, согласно его же словам, был чуть ли не инициатором назначения генерала Иванова на должность командующего военной экспедицией против бунтующей столицы, очевидно должен был знать, что Ставка уже сделала все необходимые распоряжения о выделении воинских подразделений из состава Северного и Западного фронтов для отправки их по железной дороге в окрестности Царского Села.

Приказ об отправке войск был отдан генералом Алексеевым во время разговора по прямому проводу с начальником штаба Северного фронта Даниловым, который состоялся около 9 часов вечера 27 февраля. Алексеев сообщил Данилову: «Государь-император повелел ... с возможной поспешностью, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящейся в резерве 15 дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который едет из Ставки»¹⁷. В 0 ч. 15 мин. 28 февраля генерал Данилов отработал по телеграфу в Ставку о выполнении приказа и назвал посылаемые полки, которым, по словам Данилова, с момента погрузки в эшелоны требовалось около 18 часов пути, чтобы прибыть к месту назначения¹⁸.

Таким образом, в штабе Северного фронта сделали все необходимые распоряжения по отправке войск за 4-5 часов до выхода литерных поездов из Могилева. Свита, в том числе и Дубенский, вряд ли могли этого не знать или считать, что император оставил Ставку, не отдав соответствующих приказов. Получив первые известия о захвате в Петрограде Николаевского вокзала, лица свиты в поезде Литера Б либо переоценили возможности революционеров, либо сознательно стусили краски. Более аргументированным является второй вариант. В результате появилась легенда о захвате станций Любань и Тосно отрядами революционеров, которые стремились направить

¹⁷ Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкой и Петроградом ... С. 115.

¹⁸ Февральская революция 1917 года ... С. 14.

литерные поезда в Петроград. Повторимся, детальный анализ разворота в Малой Вишере будет опубликован позднее.

Письмо профессору Федорову имело совершенно очевидный подтекст – воздействовать на дворцового коменданта В.Н. Воейкова с целью получить разрешение на изменение маршрута в направлении на Псков. Не касаясь обстоятельств событий в Малой Вишере, отметим лишь, что в конечном итоге такое разрешение было получено ночью 1 марта. Генерал Дубенский, например, в своем дневнике в эти дни сделал следующую запись: «После всяких разговоров и промедления, уже доехавши, в 3 часа ночи, до Малой Вишеры, решено было вернуться и через Бологое тянуться к Пскову. Все больше и больше определяется, насколько правильно было решение ехать в Псков и избежать поездки в Петроград, где, наверное, произошли бы события, во всяком случае неожиданные»¹⁹.

А уже в мемуарах он достаточно красочно расписал причины, согласно которым Николай II стремился попасть в штаб Северного фронта: «Мы ехали в Псков к генерал-адъютанту Рузскому, надеясь, что **Главкомандующий Северного фронта** поможет Царю в эти тревожные часы, когда зашаталась власть, устранить революционные крайности и **даст возможность Его Величеству провести в жизнь народа спешные преобразования правления России**, по возможности, более тихо по намеченной уже программе, о чем сообщено было днем 27 февраля из Ставки в Петроград. В пути на Псков **мы готовили манифест**, в котором Государь призывал народ к спокойствию, указывая на необходимость единодушно с Ним-Царем продолжать войну с немцами. Казалось старый, считавшийся умным, спокойным Рузский сумеет поддержать Государя в это страшное время. Верил в это и **сам Государь**, почему и **выбрал путь на Псков**, а не в другое место»²⁰.

Каким образом генерал Рузский должен был помогать императору? И какой манифест готовили лица свиты? Манифест о продолжении войны с Германией? Из контекста очевидно, что Дубенский имеет в виду «преобразования правления России».

¹⁹ Допрос Д. Н. Дубенского. 9 августа 1917 года ... С. 403-404

²⁰ Дубенский Д. Н. Указ. соч. С. 44.

Но император не согласился на ответственное министерство. Может государь передумал в пути и отдал такое указание? Ответ на этот вопрос отрицательный. Согласно версии генерала Вильчковского, общавшегося с Рузским незадолго до его убийства, Николай II якобы согласился на ответственное министерство лишь ночью с 1 на 2 марта²¹. Сам Рузский в интервью журналисту Самойлову в марте 1917 г. утверждал, что это произошло к 2 часам ночи 2 марта²², что подтверждается телеграфными переговорами генералов Данилова и Лукомского: «Вчера весь вечер до глубокой ночи прошел в убеждениях поступиться в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи»²³. Также отметим, что конечной целью поездки для императора по-прежнему оставалось Царское Село, а не Псков, об этом говорит, кроме всего прочего, запись из его дневника за 1 марта: «Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось»²⁴. Выставив дело так, будто бы сам царь приказал двигаться в Псков, Дубенский в очередной раз ввел читателей в заблуждение.

Еще раз заглянем в глубины души автора труда «Как произошел переворот в России». Ни его скорректированные с оглядкой на последствия февральского переворота мемуары, ни его показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, где он стремился отгородиться от свергнутой власти, не могут быть объективными источниками. Зато таким источником могут служить написанные им в дни революции строки из дневника, изъятого ЧСК. На допросе ее председатель Н.К. Муравьев зачитал отрывок, который отражает чаяния Дубенского в этот период: «Теперь Воейков и другие уже

²¹ Вильчковский С. Н. Пребывание Государя Императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 года. (По рассказу Генерал-Адъютанта Н.В. Рузского) // Русская летопись. Париж, 1921-1925. Кн. 3. С. 170.

²² Беседа с журналистом В. Самойловым об отречении Николая II // Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / Редакция П. Е. Щеголева; Вступ. статьи Л. Китаева, М. Е. Кольцова. 2-е изд., доп. Л. 1927. С. 141.

²³ Февральская революция 1917 года ... С. 75.

²⁴ Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацилло. М., 1991. С. 625.

явно одобряют мысль ехать на Псков. Все признают, что этот ночной поворот в Вишере есть историческая ночь в дни нашей революции. Государь по-прежнему спокоен и мало говорит о событиях. Для меня совершенно ясно, что **вопрос о конституции окончен, она будет введена**, наверное. **Царь и не думает спорить и протестовать**. Все его приближенные за это: граф Фредерикс, Нилов и другие, граф Граббе, Федоров, Долгорукий, Лейхтенбергский, – **все говорят, что надо** только **сговориться с ними, с членами Временного правительства**. Я, свидетель этих исторических событий, должен сказать по совести, что даже попыток протеста не было. Все говорили одно и то же: надо переговорить с Временным правительством и выработать условия. Уже 1 марта едет к государю Родзянко в Псков для переговоров. Кажется, он выехал экстренным поездом из Петрограда в 3 часа дня; сегодня Царское окружено, но вчера императрица телеграфировала по-английски, что в Царском все спокойно. Старый Псков опять занесет на страницы своей истории **великие дни**, когда пребывал здесь **последний самодержец России, Николай II, и лишился своей власти, как самодержец**»²⁵.

Уточним, что Дубенский ехал в свитском поезде и не мог быть свидетелем событий в поезде Литера А. Однако более чем красноречивая запись. Использование слова «занесет» именно в будущем времени говорит о том, что она сделана, вероятнее всего, не позднее вечера 1 марта, поскольку речь идет о лишении власти как самодержца, а не об отречении, вопрос о котором встал лишь утром 2 марта. Молчаливость императора, на которого со всех сторон сыпались советы уступить, преподносится Дубенским как согласие на преобразования. Каким образом должен был протестовать государь, когда все окружающие призывали его признать легитимность самопровозглашенного правительства? Молчание Николая II свидетельствует лишь о том, что он замкнулся в себе, не видя лиц, которым можно было доверять и на которых можно было положиться. Последнее предложение цитаты заслуживает особого внимания. Дубенский, предчувствуя введение

²⁵ Допрос Д. Н. Дубенского. 9 августа 1917 года ... С. 403-404.

ответственного министерства, в восторженных тонах пишет о «великих днях». Уже находясь в эмиграции, он узрел результаты этих «великих дней».

Нам могут возразить, что в дневниковых записях Дубенский ни разу не упоминает ни о каком заговоре, и что вышеприведенная цитата является возмутительной, но не преступной. По нашему мнению, факт полной консолидации окружения царя вокруг мысли об уступках Госдуме позволял Дубенскому на данном этапе считать действия свиты обоснованными и необходимыми. Не может же, в конце концов, быть правым один среди многих! Поэтому все вышесказанное в совокупности следует однозначно трактовать именно как нарушение присяги и заговор, направленный на изменение государственного устройства России.

Так чего же хотели лица свиты, сопровождавшей государя в его последнем высочайшем путешествии? Ответ на этот вопрос находится в протоколе допроса Дубенского на ЧСК: «Председатель. – Вы в этот момент были за конституцию, но при конституционном государе Николае II?

Дубенский. – Для нас это было так неожиданно. **Мы думали, что у нас будет конституция при Николае II**, а когда все это так случилось (я не могу сейчас детально рассказать), то мы думали, что, конечно, Алексей Николаевич останется, хотя он больной»²⁶.

Таким образом, смещение царя с престола не входило в планы его ближайшего окружения, и когда требование ответственного министерства от Родзянко утром 2 марта сменилось требованием отречения, это наверняка стало большой неожиданностью для лиц свиты, которых попросту использовали. Вечером 1 марта, «доставив» царя к генералу Рузскому в Псков, они и представить не могли, что эти действия в итоге приведут Россию к падению монархии и тем более к гражданской войне. Воспоминания всех очевидцев очень сильно

²⁶ Допрос Д. Н. Дубенского. 9 августа 1917 года ... С. 410.

противоречат друг другу в отношении событий и времени, что говорит об их несогласованности.

Между тем члены свиты планировали изложить события единообразно, о чем говорят слова флигель-адъютанта Николая II полковника Мордвинова: «3 марта 1917 года мы, лица ближайшей свиты государя императора Николая Александровича, находясь в императорском поезде, при возвращении Его Величества после отречения от престола из Пскова, постановили: во избежание неточностей и предвзятых рассказов в будущем записать сообща и немедленно, возможно полнее, еще по свежей памяти, все известные нам подробности этого ужасного для нашей Родины события, совершившегося накануне...»

В таких довольно нескладных выражениях начиналась общая запись наших тогдашних свидетельских показаний, обнимающая время с вечера 26 февраля до пяти часов дня 3 марта 1917 года.

Дневник этот был записан в пути, между Псковом и Могилевом, карандашом, на многих листах бумаги, под нашу диктовку, начальником военно-походной Его Величества канцелярии генералом К.А. Нарышкиным, обещавшим дать каждому из нас с него копию.

Исполнить это, однако, в пути он не успел, а сам подлинник затем, в тогдашние, полные замешательства и забывчивости дни, затерялся бесследно»²⁷.

Концепция отречения, изложенная Дубенским, была поставлена под сомнение уже в 20-е гг. XX в., особенно после публикации в СССР документов Ставки Верховного главнокомандующего и штаба Северного фронта²⁸. В данной статье мы лишь обращаем внимание, что заграничные мемуары о событиях в литерных поездах, составленные Дубенским, носят признаки намеренной корректировки. Чтобы снять со свиты ответственность за падение монархии в России и последующие события, генерал Дубенский в своем очерке «Как произошел

²⁷ Мордвинов А. А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. М.: Кучково поле, 2014. Т. 2. 2014. 717 с.

²⁸ Февральская революция 1917 года ... С. 3-78.

переворот в России» сознательно искажил ход событий, происходивших в Ставке, в литературных поездках и в Пскове. Например, он утверждал, что уже вечером 1 марта встал вопрос об отречении царя в пользу наследника²⁹, что также не соответствует действительности. По нашему мнению, как человек наиболее опытный в журналистике и историографии, после утраты упомянутого Мордвиновым дневника, он пытался создать общую линию для всех очевидцев из состава свиты, однако остальные свидетели не смогли воспроизвести его версию и лишь запутали картину событий. Именно поэтому поиск и публикация дневника генерала Дубенского, изъятого в рамках работы ЧСК, является одной из важнейших задач, направленных на уточнение обстоятельств заговора свиты Николая II, в существовании которого не остается сомнений.

Литература

- Беседа с журналистом В. Самойловым об отречении Николая II // Отречение Николая II : Воспоминания очевидцев, документы / Редакция П. Е. Щеголева; Вступ. статьи Л. Китаева, М. Е. Кольцова. – 2-е изд., доп. – Л., 1927. – С. 140–143.
- Вильчковский С. Н.* Пребывание Государя Императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 года. (По рассказу Генерал-Адъютанта Н.В. Рузского) / С. Н. Вильчковский // Русская летопись : в 7 кн. – Париж, 1921–1925. – Кн. 3. – С. 161–187.
- Дневники императора Николая II / Под ред. К. Ф. Шацилло. – М. : Орбита, 1991. – 736 с.
- Допрос Д. Н. Дубенского. 9 августа 1917 года // Падение царского режима : стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред.

²⁹ Дубенский Д. Н. Указ. соч. С. 49-50.

П. Е. Щеголева. – 2-е изд, испр. : в VII т. – Л., 1924–1927. – Т. VI. – С. 373–415.

Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России / Д. Н. Дубенский // Русская летопись : в 7 кн. – Париж, 1921–1925. – Кн. 3. – С. 11–111.

Мордвинов А. А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II : в 2 т. / А. А. Мордвинов ; Российское историческое о-во, Федеральное архивное агентство, Гос. архив Российской Федерации. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 2. – 2014. – 717 с.

Раемский Ю. А. К вопросу об атрибуции очерка «Ставка Верховного главнокомандующего. Два приказа» / Ю. А. Раемский // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Вып. 2 (62). Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – Магілёў, 2023. – С. 39–43.

Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкой и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам, в коих произошло отречение от престола Государя Императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись : в 7 кн. – Париж, 1921–1925. – Кн. 3. – С. 112–160.

Февральская революция 1917 года. (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта.) // Красный Архив. – 1927. – № 2 (21). – С. 3–78.

Раемский Юрий Алексеевич, старший научный сотрудник; аспирант кафедры историко-культурного наследия (УК "Могилевский областной краеведческий музей им. Е.Р. Романова", г. Могилев, Беларусь; Республиканский институт Высшей школы, г. Минск, Беларусь).

To the Question of the Role of the Personal Historiographer of Nicholas II D.N. Dubensky and the Sovereign's Retinue in the Abdication of the Emperor

Abstract. In the article, the author analyzes the events that took place in the imperial letter trains on the way between Likhoslavl and Pskov stations from February 28 to March 1, 1917. A detailed study of the memoirs of General D.N. Dubensky, his testimony during interrogation, which also contain quotes from diaries, allows us to conclude that the essay "How the coup took

place in Russia" contains a deliberately distorted chronology of events. The author also announces the release of a new article about the events at the Malaya Vishera railway station on the night of March 1, 1917.

Key words: February Revolution, Emperor Nicholas II, General D.N. Dubensky, retinue, essay, letter train, railway station, abdication.

Yuri A. Rayemski, senior researcher; post-graduate student of the Department of Historical and Cultural Heritage (Mogilev Regional Museum of Local Lore named after E.R. Romanov, Mogilev, Belarus; National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus).

References

- Beseda s zhurnalistom V. Samojlovym ob otrechenii Nikolaya II // Otrechenie Nikolaya II : Vospominaniya ochevidtsev, dokumenty / Redaktsiya P. E. Schegoleva; Vstup. stat'i L. Kitaeva, M. E. Kol'tsova. - 2-e izd., dop. - L., 1927. - S. 140-143.
- Dnevnik imperatora Nikolaya II / Pod red. K. F. Shatsillo. - M. : Orbita, 1991. - 736 s.
- Dopros D. N. Dubenskogo. 9 avgusta 1917 goda // Padenie tsarskogo rezhima : stenograficheskie otchety doprosov i pokazanij, dannykh v 1917 g. v Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva / red. P. E. Schegoleva. - 2-e izd, ispr. : v VII t. - L., 1924-1927. - T. VI. - S. 373-415.
- Dubenskij D. N. Kak proizoshel perevorot v Rossii / D. N. Dubenskij // Russkaya letopis' : v 7 kn. - Parizh, 1921-1925. - Kn. 3. - S. 11-111.*
- Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda. (Dokumenty stavki verkhovnogo glavnokomanduyushego i shtaba glavnokomanduyushego armiyami severnogo fronta.) // Krasnyj Arkhiv. - 1927. - № 2 (21). - S. 3-78.
- Mordvinov A. A. Iz perezhitogo. Vospominaniya fligel'-ad'yutanta imperatora Nikolaya II : v 2 t. / A. A. Mordvinov ; Rossijskoe istoricheskoe o-vo, Federal'noe arkhivnoe agentstvo, Gos. arkhiv Rossijskoj Federatsii. - M. : Kuchkovo pole, 2014. - T. 2. - 2014. - 717 c.*
- Raemskij Yu. A. K voprosu ob atributsii ocherka «Stavka Verkhovnogo glavnokomanduyushego. Dva prikaza» / Yu. A. Raemskij // Vesnik Magilyoŭskaga dzyarzhajnaŭnaŭ ŭniversitehta imya A. A. Kulyashova. Vyp. 2 (62). Seryya A. Gumanitarnyya navuki (gistoryya, filasofiya, filalogiya). - Magilyoŭ, 2023. - S. 39-43.*
- Telegrammy i razgovory po telegrafu mezhdū Pskovom, Stavkoj i Petrogradom, otnosyascheesya k obstoyatel'stvam, v koikh proizoshlo otrechenie ot prestola Gosudarya Imperatora, s

primechaniyami k nim general-ad'yutanta N. V. Ruzskogo // Russkaya letopis' : v 7 kn. - Parizh, 1921-1925. - Kn. 3. - S. 112-160.

Vil'chkovskij S. N. Prebyvanie Gosudarya Imperatora v Pskove 1 i 2 marta 1917 goda. (Po rasskazu General-Ad'yutanta N.V. Ruzskogo) / S. N. Vil'chkovskij // Russkaya letopis' : v 7 kn. - Parizh, 1921-1925. - Kn. 3. - S. 161-187.